



Р.Таминдаров

Полынь - трава горькая

16+

Равиль Таминдаров

Полынь – трава горькая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50582830

SelfPub; 2020

Аннотация

Полынь горькая – это многолетнее дикорастущее растение с характерным специфическим ароматом и очень горько-терпким вкусом... Порой в жизни людей происходят события, которые оставляют горький след, меняющий судьбы и иногда приводящий к смерти. В этот сборник вошли рассказы, в основу которых положены истории простых людей, чьи истории когда-то были услышаны и слегка переработаны автором.

Содержание

Утро	4
Чаепитие	5
На даче	10
Полынь – трава горькая	16
Два ветерана.	23
Последний ветеран	29
Два солдата	41
Ахметка	48

Утро

Отложив в сторону "Устав боевой Кама сутры", она сладко потянулась, каждой клеточкой ощущая красоту и упругость своего тела.

– Пора, – скомандовала она сама себе, быстро выскочив из кровати. Проходя мимо зеркала, мгновенно оценила своё отражение.

– Однако расслабилась.

Интенсивная зарядка, контрастный душ, растирание, лёгкий макияж.

– А теперь одеваться.

Белоснежное, в невесомых кружевах белье приятно щекотало кожу. Обтягивающая, но не стесняющее движение юбка, лёгкая, удобная блузка, туфли на высоком каблучке, сумочка. Всё. Готова.

– С Богом, – коротко вздохнув, она открыла дверь и окунулась в бурлящую суету города. Ей предстоит долгая и трудная дорога на городском транспорте, где понадобятся вся её сила, энергия и искусство выживать, чтобы добраться до своего рабочего места...

2006 г.

Чаепитие

80-е годы

Встретились как-то три товарища. Так просто встретились, посидеть, поболтать. Решили чаю попить.

– Только, извиняйте, сахару нет, – сказал один.

– Ничего, мы и без сахара обойдёмся, – успокоил его второй. – Вот пойдём и купим торт...

– А тортов тоже нет, – остановил его первый и добавил, – свежих.

– Тогда конфет возьмём, шоколадных, – не унимался второй.

– И конфет нет, – вздохнул первый. – Вот только и могу предложить, что карамельку.

– Тогда давайте пить чай в присказку, – предложил третий. – И чтоб, значит, чай слаще был, истории начнём рассказывать. Кто расскажет самую невероятную историю, получит в награду карамельку.

И все согласились. Разлили чай. И первый начал:

– Как-то раз открыли в нашем городе новый магазин. Решил я зайти. Захожу. Красивый такой магазин. Большой, светлый. У входа, на самом видном месте, стоит "Книга жалоб и предложений". И ручка рядом, с золотым пером. Шикарно!

Навстречу мне спешит продавец. В чистейшем халате.

– Здравствуйте, – говорит.

– Здравствуйте, – отвечаю.

– Что желаете? – спрашивает.

– А у вас есть? – тоже спрашиваю.

– Конечно, – отвечает.

– И в продаже?

– А как же!

– Тогда, икры чёрной, баночку, говорю, и сосисок, и сахару.

– Пожалуйста, – продавец улыбнулся и через минуту все принёс. И тут же задаёт вопрос:

– Чего ещё желаете?

– Да, у вас, – говорю, – наверняка, нет.

– Есть, – говорит.

– Тогда мне машинку швейную с компьютером. И порошок стиральный.

Продавец вновь улыбнулся, сказал: "Пожалуйста" и принёс все, что я заказал.

– Спасибо, – говорю, – большое.

И пером золотым благодарность записал в "Книгу жалоб и предложений".

– Это возможно, – оценил рассказ второй. – Начальство, наверное, приехало или кино снимали.

– Или это было за границей, – подхватил третий.

– Да-а уж, горьковат чаек, – вздохнул первый.

– Обыкновенный. Грузинский. Второй сорт.

– Слушайте теперь, что я вам расскажу, – отставил чашку второй:

– Мне всегда везло на приключения. Поднимется ветер, сорвёт шляпы с прохожих и одна из них попадает в моё лицо и в тот самый момент, когда я перехожу по шаткой доске через очередную яму на улице. Я в яме, шляпа в грязи, хозяин шляпы в гневе. Народ веселится. И так каждый раз. Как-то раз еду я на своём "Москвиче". Ветерок эдак, знаете ли, свищет. За окном столбы мелькают, машины. Радио что-то "Маяком" мурлычет. Хорошо! Еду. А в это время, где-то за облаками, самолёт летит. Нормальный советский самолёт, ЯК 40, наверное. Я еду. Он летит. А впереди мост, через реку. Широкий такой мост. Вот на этом-то мосту и заглох у меня мотор. Не то бензин кончился, не то гарантия. И в это самое время, где-то из созвездия Кассиопеи, прилетел метеорит. Здоровый такой, железный, метеорит, в общем. И угодил он прямо, что ни на есть в хвост этого самого самолёта ЯК40. Жуткое, знаете ли, зрелище. Хвост сам по себе, самолёт сам по себе, и метеорит соответственно рядом, и вся эта компания падает прямо на мост, где мой "Москвич" застрял. Увидел я это и сиганул с моста. Только потом подумал о парашюте, которого не было. А самолёт упал. Прямо на мост. И, даже больше того, на мой "Москвич". "Москвич" – всмятку. Самолёт – тоже. Выскочили из него пилоты, руками машут. Радостные такие. Каждый по-разному эмоции выражает. Один бегает и кричит, не то "Выхожу из штопора", не то

"Не нахожу штопора", а другой про Вини Пуха запел, которому хорошо живётся. А третий совсем ошалел. Останавливает машины, вытаскивает водителей и с возгласами: "Я воскрес! Воистину воскрес!", троекратно всех целует. Посмотрел я на их радость, бросил прощальный взгляд на удивлённо пролетающих мимо птичек и собрался дальше падать. Но не тут-то было. Повис я между небом и землёй, зацепившись подтяжками за трубу, что из моста торчала. Хорошие такие подтяжки. По случаю знакомые из Германии привезли. На три часа моё падение затянулось, пока пожарные не приехали и не спасли.

– История, конечно, необычная, – отозвался первый, когда рассказчик умолк. – Но вполне вероятная. По теории такой, теория вероятностей называется. Бывает, что и моторы глохнут, трубы торчат, метеориты с самолётами падают.

– Это ещё что, перебил его третий, – вот послушайте, что со мной произошло:

– Отключили в очередной раз в нашем доме воду. Да и свет заодно. И поэтому я опоздал на автобус. А до работы далеко. Автобусы ходят строго по расписанию, три раза в сутки. Решил я пешком добежать. То бегу, то иду. А времени – в обрез. Опаздываю. Вдруг слышу – догоняет меня машина. Глянул – директорская "Волга". Мы с ним соседи по дому. Остановилась машина, директор окно открыл и говорит: "Уж, не на работу ли торопишься, Афанасий Терентьевич? Садись, подвезу, не то опоздаешь..."

– Ну, этого не может быть! – в один голос закричали товарищи Афанасия, прерывая его рассказ.

– Это ты, брат, заврался, – пожурил его первый и протянул карамельку.

– Почему?

– Потому что этого не может быть никогда, – назидательно ответил второй и перевернул чашку.

1987 г.

На даче

Лето выдалось жаркое. Солнце раскалённым шаром висело над землёй, бесстрастно взирая на раскинувшийся внизу город, с его суетливым движением, с вечно спешащими жителями. На окраине города, подобно пёстрому цветнику, расположились причудливые домики. Дачи. Творение истинно народного зодчества из подручных и подножных материалов. По вечерам, и по выходным, на дачах бывает многолюдно. Но в будни редко кого увидишь на "фазенде", как иногда называют свои садовые участки горожане, после известного бразильского сериала. Тем более странным было видеть праздно гуляющих по аллеям молодых парней, словно хозяева обходивших свои владения. Они останавливались у каждого участка, оценивая, у кого, что растёт.

– Вась, глянь у этих все помидорами засажено, – воскликнул один, облокотившись на забор. – Зелёные ишо.

– А малина есть? – спросил тот, кого назвали Васькой.

– Не, не видно.

– Тогда пошли дальше.

– А вот и малина, – показал третий на соседнюю дачу.

– Это то, что надо, – Васька решительно направился к калитке, – Пошли мужики, полакомимся.

Все трое, довольно посмеиваясь, разбрелись по участку, оценивая не только на глаз, но и на вкус все, что росло на

грядках.

– А морковка ничего, сочная, – проговорил один, заталкивая в рот, выдернутый из грядки и обтёртый об рукав оранжевый стручок.

– Молодцы, хозяйева, регулярно поливают, – подтвердил Васька. – Ладно, пошли на малину.

У самого забора, в глубине участка, густели кусты, украшенные крупными, сочными ягодами. Малина. Трое парней деловито принялись обирать кусты, посылая в рот одну ягоду за другой. Если до ягод было не дотянуться, ветки безжалостно обламывались.

– Не, я так не люблю, – Васька остановился над очередной ягодой.

– А чё, те не нравится то? – прошамкал его товарищ, облизывая пальцы.

– Хотелось бы, чтоб ложкой, да из кружки. Ты бы сбегал, Санёк, притаранил нам по кружке с ложкой.

– А я где возьму? – перестал облизывать пальцы Санёк.

– В домике, – Васька показал на дом, – или забыл, как это делается?

– Чего-то не хочется сегодня, – замылся Санёк.

– Эй, Витёк, – Васька пытался разглядеть третьего товарища в зарослях малины, – Чего это ты разлѣгся как свинья в берлоге?

– Че надо-то? – недовольно пробурчал Витёк.

– Глянь, что там, в домике, может кружку, какую най-

дѣшь?

– А на кой она мне?

– Дурашка, малину жрать.

– А сам чѣ, не можешь?

– Я в следующий раз пойду. Давай, Витѣк, не жмись, сходи, у тебя рука лёгкая на это дело.

– Ладно, счас приду.

Витѣк в развалку подошёл к домику, потрогал замок, покачал головой.

– Хороший замок. Однако ломать надо.

Найдя обрезок трубы, он натренированным движением сорвал замок и вошёл внутрь.

– Эй, Толстый, провалился там что ли? – нетерпеливо закричал Васька.

– Иду уже, – подал голос Витѣк, выходя из дому и держа в руках две банки.

– Кружек нет, – констатировал он, – но есть кое-что лучше. Гляди.

Он показал банки.

– Варенье! Смородиновое! Сладкое, наверное. А вот и ложка.

– Ты гений, Витѣк! Я в тебе никогда не сомневался.

– Чего уж там, – засмутился Витѣк.

И друзья удобно уселись, чтобы оценить качество и вкус варенья.

От автобусной остановки, шли отец с сыном. Они весело переговаривались, посматривая по сторонам. Отец доброжелательно отвечал на вопросы сына, которых у последнего было нескончаемое количество.

– Папа, смотри, у соседей кто-то есть, – воскликнул сынишка, показывая пальцем на кусты малины, где шло пиршество троих друзей.

– Эй, парни, вы, что там делаете? – мужчина остановился у ограды.

– Дрова рубим, – лениво огрызнулся Васька, – Твоя дача что ли? Сидеть!

Рыкнул, на сорвавшихся было бежать своих товарищей.

– Я знаю, чья это дача. И точно не ваша. Так что уходите.

– Мужик, ты бы проходил мимо, а? – Васька подмигнул своим слегка заробевшим товарищам, и потянулся к банке, – Мы тебе не мешаем. Вот отдохнём и дальше пойдём...

– А я говорю, уходите. Я сейчас милицию вызову.

– Так она и приехала, – хихикнул Витёк.

– Забирай своих дружков и уходи! – Разозлился мужчина, и вошёл в ограду.

– Мужик, ты меня, достал, – зло процедил сквозь зубы Васька, медленно поднимаясь с земли.

– Ну, счас начнётся, – нервно хихикнул Витёк,

– Ага, – поддержал его Санёк, вставая.

– Мужик, наплачешься ты с нами, – усмехнулся Васька, демонстративно разминая пальцы.

– Ах ты, щенок, – мужчина протянул руку и схватил Ваську за ворот рубашки.

– Папа, папа, – закричал за оградой сынишка.

Васька извернулся, и что было сил, ударил противника в пах. Мужчина, охнув, присел на корточки, выпуская ворот рубашки.

– А это тебе за щенка, – Васька ударил с разворотом ногой в лицо.

Мужчина упал на землю, обливаясь кровью. Васька стал яростно пинать его ногами. К нему подскочили дружки, и возбуждённо покрикивая, избивали уже недвигающегося мужчину.

– Папа, папа. Не бейте папу, – подбежал к ним мальчик.

– Тебе папа нужен? – вскричал опьянённый дракой Васька, и, не сдерживаясь, ударил мальчика по голове. Тот, хрипнув, упал на землю, задёргался и затих.

– Сматываться надо, – сдавленно проговорил Санёк, в ужасе смотря на неподвижно лежащие тела, и попятился к выходу.

Витёк, оцепенело уставившийся на тело затихшего мальчика, вдруг закричал и, что было сил, бросился к калитке. За ним Санёк. Отталкивая друг друга, они с трудом протиснулись в калитку, побежали по аллее.

Васька ещё несколько секунд смотрел на дело свой рук, затравленно оглянулся по сторонам, и побежал напрямую, через заборы...

Солнце продолжало бесстрастно изливать на землю очередную порцию августовского зноя. Наливались спелостью помидоры, ягоды. На отдельных участках копошились над грядками дачники, увлечённые своей работой, равнодушные ко всему, что не касается их дачных участков...

1987 год.

Полынь – трава горькая

Моей матери посвящается.

1949 год.

По небу ползли тяжёлые свинцовые тучи. Порывы холодного ветра волнами пробегали по пшеничному полю, разнося запахи земли, хлеба и полыни.

У дороги стояли двое мужчин. Оба в брезентовых плащах, в кепках.

– Как думаешь, комиссар, – проговорил один из них, что повыше ростом, – хлеб сдадим?

– Не знаю, Иван, не знаю, – вздохнул второй. – Сам видишь, хлеб на корню гниёт. Поля полынью поросли.

– Да-а. На быках, да на бабах далеко не уедешь.

Председатель колхоза Иван Тимофеевич достал папиросу, закурил.

– Холодновато, – пыхнул он дымом.

– Осень ранняя, – парторг глубже засунул руки в карманы плаща.

– Эх, нам бы ещё пару недель погоды. Может, и успели бы хлеб убрать, – председатель глубоко затянулся дымом. –

Придётся сдавать весь хлеб, – проговорил он, выпуская дым.

– И семенной?

– И семенной.

– А людям что скажешь, – парторг угрюмо посмотрел на

председателя. – И чем за трудодни рассчитаешься?

Председатель окутался папиросным дымом.

– Разрешим дрова рубить в ближнем лесу. Да и горох ещё остался.

– И разрешить оставшуюся на полях картошку собирать. Все равно ведь сгниёт.

– Картошку? Посмотрим, – председатель затоптал папиросу. – А за хлеб, если не сдадим что по плану положено, с меня, да и с тебя не только шкуру спустят.

– А люди?

– А что люди? Таковую войну прошли, выжили. И сейчас справятся. А у меня партийный билет один. Да и голова – тоже.

– Ладно, поехали.

Председатель, а за ним парторг направились к телеге.

– Слушай, комиссар, – председатель повернулся к парторгу, – надо школьников привлечь. Четвёртый, пятый классы в поле. Пусть хоть полынь из пшеницы повывёртывают. А старших – на уборку картофеля.

– Четвёртый – то зачем? Малые ведь.

– Ничего. Сам видишь, не сегодня-завтра дожди начнутся. А так хоть без полыни косить будет можно.

– Вижу, – парторг зло сплюнул. – Родители могут не отпустить.

– Да брось ты, – отмахнулся председатель. – Надавишь на сознательность. Пообещаешь, что, мол, накормишь детей.

Тогда сами приведут.

Председатель стегнул жеребца.

– Не подействует, скажешь, – саботажники, мол, правительственное задание срывают. В общем, сам знаешь, что говорить.

Роза, как обычно, встала рано. Солнце только послало свои первые лучи из-за горизонта. Но все старшие ушли ещё раньше. Мать – на ферме, отец пропадает в полевой бригаде. И братья вместе с ним. А сегодня и Роза, как взрослая, тоже идёт работать в поле. Работать, а не как раньше – отнести старшим обед. Сегодня всем классом выезжают. Ой, не опоздать бы.

Она быстро собралась, взяла приготовленную для неё краюху хлеба и бутылку с водой и убежала.

Возле школы было оживлённо. Деловитые первоклашки проходили мимо бурлящей толпы учеников, стоявших кто с узелком, а кто и с пустыми руками, и скрывались за расхлябанной дверью старой, с обшарпанными стенами, школы. Роза снисходительно поглядывала на них. Мелкота. Учиться идут.

Вместе с учительницей подошла бригадир. Звали её Мария Ивановна, но за глаза называли "Иваныч" – за мужскую привычку не выпускать папиросу изо рта, за засаленную телогрейку и за огромные кирзовые сапоги. Солдатская вдова. Муж её погиб в сорок втором, осталась одна с тремя детьми

на руках. Самому младшему ещё нет и восьми. В бригадирах уже третий год.

За это время научилась управлять не только бабами, но и мужиками. Она шла с учительницей, и что-то говорила ей, не вынимая изо рта папиросу. Та удручённо качала головой. Бригадир вспылила.

– А может, вам ещё и ахвтобус подать? Не сахарные. Пешком дойдут.

Учительница побежала собирать своих учеников.

– Строиться. Побыстрее, побыстрее. В колонну по четыре. А ты куда? Что? А раньше, о чем думал? Давай, только быстро. Все встали? Шагом марш!

Неровный строй учеников потянулся по дороге, ведущей к самому дальнему полю. Вначале идти было легко. Все о чем-то говорили между собой. Роза шла, придерживая рукой бутылку, вертела головой во все стороны. Наблюдала за учительницей, которая, подобно встревоженной наседке, металась между учениками, пытаясь заставить их идти строем.

А дорога все петляла и петляла между сопками, над речкой, все дальше и дальше уводя от деревни. Постепенно замолкали разговоры. Успокоилась и учительница, шла позади ребят, понуриив голову, о чем-то задумавшись.

Солнце, как бы опомнившись, что надо не только светить, но и греть, старалось изо всех сил. Пыль, поднятая с дороги детскими ногами, долго висела над землёй, скрипела на зубках, першило в горле. У кого была с собой вода, тот давно

выпил. Роза бережно прижимала к себе бутылку. Она знала, как трудно будет в поле без воды. А пить хочется... Кажется, ведро бы выпила.

Но вот из-за косогора показалось поле. Пшеницы почти не видно. Густыми зарослями закрыла её полынь.

Бригадир остановила всех у края поля.

– Значит так, – проговорила она, закуривая очередную папиросу, – ваш фронт работ. Вот поле. На нем пшеница растёт. А также полынь. Пшеницу не трогать! Полынь – вырывать. С корнем. Ясно? Вопросы? Вопросов нет. Училка, строй своих цепью и вперёд, работать.

А полынь удалась на славу. Мощная. Разлапистая. Пьянящая. Терпкая. Горькая.

Роза вздохнула, совсем как мать, когда к ней приходил председатель и ругал за то, что она посылала детей на поле собирать колоски. Взясась за ближайший куст полыни... Бутылка мешает. Куда бы её положить? Но тут к ней подскочил Ванька, увидел бутылку. Глаза разгорелись.

– Роза, дай воды попить, – попросил он.

– Попей, – протянула она бутылку. Только всю не выпивай. Я ещё сама не пила.

– Не бойсь, – успокоил её Ванька и тут же закричал:

– Пацаны, сюда! Здесь вода есть!

Прибежали трое его закадычных друзей, такие же шалопаи, как и сам Ванька. Начали толкаться. И не столько напились, как больше пролили.

– Извини, Роза, – протянул Ванька пустую бутылку. – Но они ведь мои друзья. Сама понимаешь, не мог я не поделиться.

– А я? – у Розы на глазах появились слезы.

– Но ты же не мой друг, – ответил Ванька и ушёл.

– Ну, Ванька, ну, враг, – запоздало, вслед закричала Роза.

Подошла бригадир.

– Чо стоишь? Ещё не работала, а уже отдыхает. Не на курорте. Работай, работай.

Прошло часа два. Солнце безучастно взирало на детей, копошащихся среди полыни и пшеницы. У многих ребят руки изрезаны в кровь. Вот две девчуски вцепились в куст полыни и стали тянуть. Плачут и тянут. Некоторые сели на землю, бессильно опустив руки, почерневшие от земли и сока полыни.

Бригадир все чаще и чаще переходила на крик.

– Не сидеть! Работать! А ну, вставай! Ишь, расселись, дармоеды. Что? Есть хочется? Не заработал ещё. Руку порезала? Ничего, заживёт как на собаке. А ну, всем работать! Я кому сказала?! Обедать не будет. Подводы ушли на другие поля.

Под вечер, устав светить, солнце спряталось за тучи. Подул холодный, пронизывающий ветер. Дети, измученные за день, уже не могли сопротивляться холоду, сменившему полуденный солнцепёк.

Бригадир была вне себя. Ни уговоры, ни угрозы, не могли заставить работать детей. Они или начинали реветь в полный

голос, или огрызаться.

Подводы пришли поздним вечером, когда на небе за-
жглись первые звезды. Чуть живых от усталости, голода и
холода детей погрузили в телеги и повезли в деревню.

Ехали молча. Лишь неторопливо поскрипывали телеги, да
изредка фыркали лошади.

– Не, – раздался вдруг голос с одной из телег, – я в деревне
не останусь. Я в город пойду.

– Кому ты там нужен? – нехотя возразил ему другой.

– Стране. Может, я самым главным учёным стану.

– Ванька – учёный! Смешно, сонным голосом ответил ему
собеседник.

"Дурак": подумала Роза, закрывая глаза не в силах больше
бороться со сном. Сон сморил всех. Только мерно скрипели
колеса телег. И никто не обращал внимание на горький запах
полыни.

1987 г.

Два ветерана.

2000..e

Перед очередным днём Победы, в стране внезапно вспоминали, что есть такая категория людей, которые зовутся ветераны Великой Отечественной войны. В школах организовывали поиск ещё оставшихся в живых ветеранов, и приглашали на встречи. Школьники неохотно шли на такие мероприятия. Скучно. Тем более на улице вступает в свои права весеннее тепло и время сбрасывать зимнюю неуклюжесть и гонять до одури в футбол. Или можно посидеть на трубах, в компании с девчонками. Пивка попить. А тут, сиди в душном актовом зале, и смотри как старые перечники, чего там рассказывают. Если бы не "классная", то ищи ветра в поле, сидели бы они здесь. Правда, иногда было интересно. Особенно когда ветераны рассказывали о боях.

Иван Сергеевич сидел за столом в небольшом актовом зале, перед двумя десятком детей. Встреча с ветеранами. Их было двое. Ветеранов. Своего соседа Иван видел пару раз, но как звать его не помнил. Их пригласили на это плановое мероприятие. Он бы не пошёл, если бы не дети. Дед Иван любил детей. Но всегда робел, когда их собиралось больше двух, и ему надо было что-то рассказывать. О войне. О том, как воевал. На пиджаке у Ивана Сергеевича, красовались две медали за отвагу. Наград было намного больше. Но все эти

юбилейные, Иван не любил, и не носил принципиально. Так они и лежали дома, в серванте, в отдельной коробочке. А эти, боевые, он носил с гордостью. И одевал только в День Победы или на таких вот мероприятиях. Дети с любопытством смотрели на его медали. Он видел, у некоторых мальчишек усмешку, мол, ветеран, а всего две медальки висят. Эх, знали бы они, чего стоили ему эти награды. Их он получил, проливая свою кровь и кровь врага, а не за то, что отправлял обворованные эшелоны на фронт. Иван знал таких ветеранов. И презирал их.

Иван не любил рассказывать о войне. А про что рассказывать? Про грязь, кровь, смерть? Да про подлость людскую? Как рассказать этим чистым пока ещё, душам, о том, что такое заградотряд? Зачем рассказывать о том, как умирал твой товарищ, не успевший прикурить, и получивший пулю в голову? Стоит ли говорить о том, что когда воют снаряды над головой, ты вжимаешься в землю, и воешь так, что горло судорогой сводит. От страха. И мысли при этом не о наградах, не о воинских подвигах. А никаких мыслей. Только ужас, раздирающий голову. И когда звучит команда, В атаку! За Родину! За Сталина, ты выскакиваешь из окопа, и ничего не видишь, кроме мелькающей перед глазами земли, и где-то там впереди, вспышек выстрелов. Кисло вонючий дым от взрывов перехватывает горло, и вместо ура-а-а, раздаётся только что-то вроде " а-аоа-а- ааауа", пока хватает дыхания. А потом дерёшься как чёрт, вымещая на немцах весь

свой страх и ненависть. И ещё потому, что сзади тоже ждёт смерть. От пулемётов заградотряда.

Иван не любил рассказывать о войне. Он в эти минуты вспоминал своих товарищей. Погибших, или умерших от ран после войны. Обычно на вопросы, "Как там, на войне было?", отвечал, "Мёдом помазано".

Однажды он рассказал о своём друге детства Семёне, с которым вместе попал на фронт. Ему не повезло. В первом же бою его накрыло взрывом, и он остался на поле боя. Все считали его погибшим. А он выжил. Был в плену. Три года он провёл в концлагерях. Освободили наши. И после допроса его отправили в тыл. В глубокий тыл. На Колыму. Ещё на пять долгих лет. Иван встретил его в 72-м. Посидели. Выпили. Вспомнили юность свою. Семён, после очередной рюмки расслабился и рассказал, какая она жизнь в концлагерях-то. И где было легче – очень большой вопрос. Подвыпивший Семён, периодически захлёбываясь в кашле, но при этом не выпускающий папиросу изо рта, рассказывал о том, как выживали в лагере. Страх и голод, вот основные чувства, которые остались у человека в лагере. Порой голод затмевал все остальные чувства. Страх, понятия морали, жалость к другим, всё отступало перед возможностью найти еду. Выжить, всё делалось ради того, чтобы выжить. Ели человечину, срезали с умерших товарищей мякоти и ели. От том, что голод доводил людей до сумасшествия. Голод и ежедневные побои и унижения. Там любой готов был сделать что угодно,

за кусок хлеба. Он рассказывал о том, как лежали в лужах, замерзая, зарабатывая туберкулёз и прочие прелести лагерной жизни, и не пытались спастись. Как он выжил? Да и сам не понимает. Кажется что и сейчас, зайдёт, старший по барaku и погонит на работы.

Учителя были в шоке. Они категорически запретили рассказывать детям такие страсти. После этого случая, о нём надолго забыли. Теперь вспомнили. Вот он сидит и думает, что же рассказать детям о войне?

Пётр Ильич любил выступать перед аудиторией. К этому дню он готовился всегда тщательно. Все ордена и медали, как кольчуга покрывали его грудь. Орден "Красной звезды" и медаль "За боевые заслуги", особенно им любимые, полученные на фронте, всегда висели так, что в первую очередь обращали на себя внимание. Он гордился тем, что ушёл добровольцем, и после долгих сидений в резерве, в глубоком тылу, попал в отряд НКВД. Ему нравилось эта аббревиатура. Чётко. Грозно. Строго. От того все боялись и уважали эту организацию. Да уж, нет теперь таких сокращений. Он любил рассказывать о том, как его часть освобождала Киев, как прошли по Польше, освобождая город за городом. Он очень красочно рассказывал о своей первой встрече с Чешскими городами.

– Мы сидели в окопах, ожидая команды к наступлению, – начинал он свой рассказ.

Мы знали, впереди враг. И этого врага надо уничтожить. Потому что за нами была Родина. Враг коварен и силен. И от того, насколько тверда рука у солдата, насколько точен глаз, зависела Победа. Мы верили, что дело наше правое и победа будет за нами. Каждый солдат, сержант или офицер, каждый не щадя своих сил и самой жизни, приближали этот великий день. День Победы.

В этом месте Пётр Ильич всегда делал паузу.

– Не скрою, в эти тяжёлые дни, когда Родина напрягала последние силы в борьбе с оккупантами, среди наших бойцов находились отщепенцы, которые опозорили светлое звание советского солдата. Находились такие, которые ради спасения своей жизни готовы были предать, сбежать с поля боя. И даже предпочитали сдаться в плен врагу, спасая свои жизни. Таких горе вояк мы всегда презирали. И ненавидели как врагов. Трус – хуже врага! И это было правильно. Так мы жили! Так воевали! Так победили!

– Да, многие наши товарищи не дожили до этого светлого дня, дня Победы. Но они навсегда остались с нами в строю. В нашей памяти. А жизнь на фронте, это не всегда бои и сражения. Бывали и минуты затишья. И когда выпадала возможность, мы писали письма. Домой. Мол, жив, здоров. Бью фашистского гада. Ждите. Скоро вернёмся с победой.

Потом были цветы. Поздравления. Подарки. Небольшой концерт. Мальчишки, наблюдавшие за ветеранами, пытались

рассмотреть, что за награды украшали пиджаки ветеранов. Девчонки, как всегда, обсуждали свои проблемы, не замечая никого и ничего вокруг. Потом все разошлись по домам. Ответственные лица с облегчением ставили галочку в отчёте. Все. Мероприятие выполнено.

Май 2011, август 2012

Последний ветеран

Предисловие

В основу этого рассказа положены реальные истории, рассказанные ветеранами Великой Отечественной Войны. Многие, ещё очень многие эпизоды из жизни солдат, фронтовиков, тружеников тыла, осталось за рамками этого, да и не только этого, рассказа. К сожалению, все меньше и меньше остаётся с нами тех, кто готов поделиться воспоминаниями о тех исторических событиях. Время безжалостно уменьшает их ряды. И я призываю всех, пока не поздно, собирайте ценнейшие материалы, опрашивайте ещё живых ветеранов о том времени, когда героизм и самопожертвование, тяжёлый труд и великая ответственность были простыми буднями войны. И сохраняя рассказы и воспоминания очевидцев тех времён, мы помогаем тем самым сохранять и восстанавливать саму историю, и участвовать в создании большой книги воспоминаний о Великой Отечественной войне. Слава победителям. И давайте не забывать их. Не забывать того, что они сделали для нас.

9 мая 202... года.

Дед Иван, с трудом очнулся от тяжёлого, тревожного беспомыслия, которое в последнее время заменяло ему сон.

Глаза открывать не хотелось. Вставать не хотелось. Ничего не хотелось. Непомерная усталость вязкой, болезненной ватой сковывала руки и ноги, мешая двигаться. Но, надо. Многолетняя привычка – встать и заняться хозяйством взяла верх. Тем более сегодня. Этот день он ждал каждый год. Это был ЕГО Праздник. С тех пор, как похоронил свою жену, а за ней и единственного сына, для него не существовало никаких других праздников. Да и смысл жизни, цель, ради которой стоило жить – не стало. Но он упорно продолжал жить. Работал до одури. Занимался хозяйством. Зачем? Он не знал. Когда-то он содержал и поросят, и корова стояла в сарае. Деревенский двор был всегда чист и ухожен. Все находилась на своих местах, определённых раз и навсегда. Время шло. Сил становилось все меньше. И вот теперь двор опустел. Даже собаки и той не было. Когда издох последний пёс, то нового никто не стал заводить.

Дед Иван с трудом поднялся и направился на кухню. Он подошёл к старому сундуку и открыл, показавшуюся такой тяжёлой, крышку. В сундуке хранилось всё самое ценное. Альбом старых фотографий. Документы, награды. И среди одежды, когда-то аккуратно уложенной женой, его парадный мундир. Так он называл, в своё время очень дорогой и модный чёрный костюм, купленный ещё в 80-х годах. Правда, остался только пиджак. Как это обычно и бывает – что не носится, то и остаётся. Под левым лацканом пиджака блестели две медали "За отвагу". Справа – три нашивки за ранение.

Две жёлтых, одна красная. На самом деле, наград было намного больше, но Иван их не признавал и не носил. Некоторые юбилейные награды, которыми награждали в честь очередного X-летия Победы, лежали тут же, в пакете. Побрякушки, считал он. Чего их носить. Лишнее железо. Лучше бы бутылку водки и банку тушёнки давали. А что толку от этих побрякушек? Кур пугать? Так и лежали они в коробках, не востребованные и не вскрытые.

Старенький телевизор периода развитого социализма, мог показывать только две программы. Этого хватало. Дед не любил телевизор. И включал его редко. Дед Иван подошёл к старым часам с кукушкой, подтянул цепочку, где в довесок к гире были привязаны старые портняжные ножницы. Включил телевизор. Достал и с трудом одел свой мундир.

9 мая это один из тех случаев, когда телевизор включался и работал почти до обеда. В этот день дед Иван всегда одевал свой мундир, накрывал стол и садился смотреть парад – посвящённый Великой Победе. Вот и сейчас он поставил на стол два стакана. Достал из выдавшего вида старенького холодильника бутылку водки и разлил в стаканы. Нарезал хлеб. Одну краюху положил на стакан. Варёная картошка в чашке. Уже остыла. Это не важно. В последнее время это его обычная, повседневная еда.

Праздник Победы. День воспоминаний. Так было многие годы. И сейчас он позволил памяти окунуться в прошлое. Перед ним, как на экране, проплывали картины прожитых

лет. В последнее время он стал забывать лица жены, сына, невестки. Да и многих других, с кем пришлось прожить бок о бок. Но все чаще вспоминалось детство, и война.

Сколько ему было лет? Иван не помнил. Да и не хотел считать. Последний раз, когда он сидел за столом и все гости желали ему долгих лет, было так давно, что он с трудом вспоминал, было ли это. Не важно. Все это давно уже было не важно. Ему это было не интересно и не нужно.

По телевизору начался праздничный парад, посвящённый Великой Победе.

В полной тишине, чётко печатая шаг, на площадь выходит знамённая группа, одетая в форму бойцов Красной армии 1941 года. Первым выносят флаг победы. За ним флаги и штандарты фронтов.

Знамённая группа остановились напротив праздничной трибуны.

Голос диктора за кадром:

– 22 июня, 1941 немецко-фашистские войска вторглись на территорию СССР. Началась Великая Отечественная война. Четыре года. 1418 дней и ночей наша страна, напрягая все свои силы, не щадя самой жизни, приближали этот день – день Победы. И этот день настал. Высокую цену заплатил Советский народ в этой войне. Около тридцати миллионов жизней были отдано на алтарь Победы. Но наши отцы и деды выдержали и победили...

– На праздничной трибуне – президент.

– Дорогие соотечественники! Сегодня мы отмечаем самый святой для нас праздник – День Великой Победы! И мы благодарны тем, кто подарил нам свободу, заплатившие самую высокую цену – своими жизнями. Но они твёрдо знали, за что воевали, и ради чего заплачена такая цена...

– Впервые, трибуны для почётных гостей, где традиционно размещались ветераны Великой Отечественной Войны и труженики тыла – пустуют. С прискорбием, я вынужден сообщить, – накануне ушёл из жизни последний ветеран ВОВ.

Дед Иван встрепенулся на этих словах.

– Последний? Как последний? А я?

– Навеки останутся в памяти наши деды и прадеды, не щадившие своих жизней во имя великой цели. Во имя Победы. И наша священная обязанность, навсегда сохранить память о них. И это в наших силах. Почтим память всех погибших и всех не доживших до этого дня минутой молчания.

Слышен стук метронома.

Камера медленно проплывает над почётными трибунами, где расположили фотографии фронтовиков из семейных альбомов и из архивов военных корреспондентов.

Море фотографий.

Море красных гвоздик.

– Подвиг их бессмертен. Память о них – вечна. С праздником вас дорогие соотечественники. С днём Великой Победы! Слава народу – победителю!", – закончил свою речь президент.

Диктор объявляет.

– Парадный расчёт знаменосцев перестроился перед почётными трибунами. На брусчатку Красной площади вступили колонны военнослужащих различных родов войск, торжественным маршем отдавая воинские почести знамёнам Великой Отечественной Войны и фотографиям фронтовиков.

На экране шёл парад. Звучали военные марши. Дед Иван смотрел на стройные ряды военных, проходящих по красной площади, а видел себя, четырнадцатилетним летним мальчишкой, лежащим в пыльном бурьяне, скрюченный беззвучным плачем. На фоне полыхающих домов по деревне разъезжали немцы на мотоциклах. То и дело стрёкот двигателей мотоциклов прерывались выстрелами и гортанными, радостными выкриками немецких солдат.

Так для Ивана началась война. Он дотемна пролежал в канаве, а потом ушёл в лес. Несколько дней он скитался вдали от дорог и деревень, пока его полуживого не подобрала бойцы красной армии, вышедшие из окружения во главе с молодым лейтенантом.

Дед Иван смотрел на проходившую по Красной площади военную технику под комментарии диктора и вспоминал.

Однажды их отряду, удалось уничтожить два грузовика с немецкой пехотой. Захватили двух пленных. Мужчину и женщину. Солдата допросили и расстреляли в кустах. С женщиной, одетой в блузку, сшитой в полувоенной манере, но

без погон, и в строгой, серой юбке чуть выше колен, красноармейцы не знали что делать. На все вопросы она или плевалась, яростно и с презрением смотря на своих мучителей, или озлобленно ругалась сквозь стиснутые зубы.

Лейтенант с досады чертыхнулся.

– Ну что ты будешь делать, а? Что с ней делать? Тащить с собой? Куда? Тьфу, блин... – И откуда ты только такая взялась?

– Лейтенант, отдай её мне, – вышел вперёд один боец. – Я её разговорю. Не разговорю, так согреюсь, – хмыкнул он.

– Да, делай что хочешь, – лейтенант махнул рукой и отошёл.

Боец подошёл к пленной, остановился. Оглядел с ног до головы. Немка, исподлобья глядевшая на него, гордо вскинула голову и выкрикнула:

– Швайне!!!

Боец поднял руки и двумя резкими движениями, разорвал её одежду так, что немка осталась стоять почти голой. Но головы не опустила. И стиснув зубы, жгла его взглядом.

– Ну, начнём. Поманеньку, – Боец отступил на шаг, оценивающе оглядывая почти голую пленницу.

– Что, не нравлюсь? Сучка фрицевская? Напрасно. Мы сейчас разомнёмся. По чуть-чуть. Все. По очереди. А потом ещё. И ещё...

Боец начал демонстративно – медленно и бесцеремонно гладить и ощупывать обнажённую девушку.

– Отставить – выкрикнул лейтенант, подходя к пленной, – отставить боец.

– Ну, товарищ лейтенант, мы токо начаАли...

– Отставить! Я сказал. – Лейтенант достал пистолет, – Пошла. Ком. – Махнул он пленной в сторону кустов. Та, посмотрев на офицера, молча перешагнула через опавшую на землю разорванную одежду и пошла к кустам.

Все бойцы молча смотрели, как лейтенант завёл девушку за кусты. Раздался выстрел. Лейтенант вышел один.

– Ну, лейтенант... – начал было боец.

– Отставить, – прервал его лейтенант. – Нельзя так. Нельзя!

– А им наших можно?

– Нельзя так. Не правильно это. Мы не они.

Лейтенант, покачиваясь, отошёл от бойцов и сел у дерева...

Дед Иван смотрел парад. Перед ним стояли два стакана с водкой. На одном лежала горбушка хлеба. По фронтовой традиции, за всех погибших. Он вспоминал. По морщинистой, впалой щеке, оставляя влажный след, скатилась слеза.

Вот он стоит над трупом лейтенанта. Ещё минуту назад, они разговаривали, смеялись. Курили. Свист. Взрыв мины. И вот лейтенант лежит на земле, смотря в небо остекленевшим взглядом. В руке продолжала дымиться "козья ножка". Ваня, наклонился и закрыл ему глаза. Жгучая ненависть вы-

сушивала слезы жалости на его глазах. Он взял пистолет лейтенанта. Подошли остальные бойцы, молча постояли над командиром, и, подняв, унесли в лесок. Вскоре появилась в лесу ещё одна незаметная могила, где вместо памятника легла пилотка...

Три человека ползли по обледенелым отвалам грязи, к своим окопам. Кислый запах горелой взрывчатки и ещё чего-то тошнотворного, перемешивался с запахом мёрзлой земли. Оружие привычно оттягивало руки. Боеприпасов не было. Но бросать оружие никто не собирался. Осветительные ракеты то и дело зависали над их головами. Время от времени стучал пулемёт то с одной, то с другой стороны.

И когда они услышали – Стой, кто идёт! – радости не было предела.

– Свои! Свои-и-и-и! Дошли...

Дальше были допросы. Проверки. И в итоге его оставили в полку. Сыном полка.

Дальше были бои. Было отступление. Ещё не раз пришлось ему стоять у могил погибших однополчан. Первое ранение. Первая медаль...

По брусчатке Красной Площади двигалась колонна грозной военной техники...

Однажды Ивана отправили во взвод крупнокалиберных пулемётов ДШК, базировавшийся неподалёку. ДШК на полуторках. Этаким вариант тачанки. Он уже собирался вернуться в свою роту, как объявили тревогу. Началась атака

немцев. Около двухсот фрицев пошли в атаку. Под ружьё собрали всех, даже поваров и посыльных. Набралось человек двадцать. И два расчёта пулемёта ДШК.

Атаку отбили. Как выжили? И как отбили? Многие считали это просто чудом. Но радовались все искренне. Конечно же, главная заслуга в этом была пулемётов ДШК и слаженные действия их расчётов.

После боя один из бойцов, их тех, кто стоял за ДШК, позвал Ивана посмотреть, как отработали пулемёты. То, что увидели солдаты на поле боя, произвело на них тяжкое, запомнившиеся на всю жизнь, впечатление. Изодранные, развороченные тела, тошнотворный запах крови, пороха и гари.

Боец ходил между телами и причитал...

– Что я наделал, Что я наделал...

Иван, глядя на трупы, чувствовал, как внутри накатывает волна. Такого не было даже тогда, когда он убил своего первого немца. Он упал на колени и его вырвало. Он встал и пошёл к своим позициям. Его догнал солдат. По его щёкам текли слезу, оставляя грязные полоски на закопчённых щёках.

– Ты как? – спросил его Иван

– Плохо. Это что ж я наделал-то, а? Скольких людей положил-то, а? Я ж их в фарш... – сдавленным шёпотом проговорил боец.

– Они же тоже люди. Были. А я их... Я ж теперь воевать не смогу...

– Сможешь!– резко остановил его Иван. – Они живьём... наших... сжигали. Деревнями. Баб и детишек загоняли в амбар и жгли...

Иван остановился, положил руку бойцу на плечо, – Пошли. У меня спирт остался...

К августу сорок четвертого, Иван был уже опытным бойцом, младший сержант. На груди две медали за отвагу. И две нашивки за ранение. Он ехал на грузовике, подставляя лицо встречному ветру. Впереди ждала встреча с однополчанами. Впереди ждала родная рота, родной взвод.

– Воздух!

Три Юнкерса вынырнули как-будто из ниоткуда. И с душераздирающим воем пронесли над дорогой. Земля содрогнулась от взрывов. Все заволокло прогоркшим удушливым дымом и пылью. Неожиданно упругая волна с силой подхватила Ивана сзади и, приподняв, бросила на землю. И все исчезло. Ни звука. Ни света. Ни чувств...

Очнулся от пульсирующей боли во всем теле. Руки, ноги не двигались. В голове, как будто рой пчёл играл на барабанах. Каждый удар – болезненный укол. И таких уколов – тысячи и тысячи...

Не годен к строевой. Демобилизация. Отправка в тыл. Таков вердикт врачей. Иван не верил. Просил. Плакал. Ругался. Требовал, чтобы его вернули в его часть. Он не хотел в тыл. Инвалид. Какой он инвалид? Руки-ноги целы. Голова на месте. Он может воевать! Нет. Общая обширная контузия.

Частичный паралич конечностей.

От петли спасла молоденькая медсестра...

Выжил. Смирился.

Его вывезли в далёкий сибирский город, где он ещё три месяца пробыл в госпитале. Из госпиталя выписали накануне дня Победы. И вот настал этот день. Победа. ПОБЕДА!!! Он шёл по городу и плакал. От счастья. От обиды. От жалости к себе и к своим погибшим друзьям. Война окончилась.

Что делать дальше? Как жить?

Выжил. Работал. Женился....

На экране телевизора показали крупным планом президента, который смотрел на проходящие мимо стройные ряды военных. Шёл парад, посвящённый Великой Победе...

– Последний? Умер? – дед Иван, весь напрягся, и, смотря на экран телевизора выкрикнул.

– Врёшь! А я? Не-ет. Много нас ещё! Много... Таких, как я... не учтённых...

Что-то сжалось в груди у деда Ивана. Сжало и потянуло так, что померк белый свет.

– Врёшь! Не возьмёшь... – прохрипел дед Иван, рывком распахивая ворот рубахи.

– Я жив...

Он протянул руку к стакану с водкой...

Рука обессиленно упала на стол...

Два солдата

Эпилог

В основу новеллы, положена заметка, в какой уже не помню газете, что археологи, где-то под Смоленском, проводя раскопки на местах бывших боёв времён Великой отечественной войны 1941-1945 года, нашли советскую пилотку и кивер времён Отечественной войны 1812 года.

80 годы

Сапёров подняли по тревоге, коротко сообщив, строители, роя котлован под новый дом, обнаружили неразорвавшиеся снаряды... Уже по дороге к объекту командир взвода старший лейтенант Семён Харитонов, сидя рядом с водителем, привычно прикидывал, что там могли обнаружить строители. Склад? Бывшую огневую позицию?

За окраиной города машина остановилась. Сапёры принялись за привычное дело: расчехлили приборы и внимательно, метр за метром стали прослушивать землю.

– Есть металл! И вот они уже осторожно начали переносить свои смертоносные находки в кузов машины, укладывая ржавые снаряды на "подушку" из речного песка.

– Окоп тут, – крикнул кто-то.

Бережно разгребая песок, они обнаружили останки двух солдат.

– Этот наш, – трогая руками истлевшую ткань гимнастёрки, проговорил Харитонов, – а этот? Что-то непонятное: кивер, пояс с гербом. А ружьё-то? Это что-то музейное, пожалуй, 1812 года...

1941 год.

Рядовой Иван Смирнов, неспешно и тщательно обживаясь в только что отрытом окопе, уложил в нише винтовочные обоймы, рядом пристроил две гранаты. Притоптал на дне окопа коврик из свежей полыни.

Устроился поудобнее, опершись спиной о заднюю стенку окопа, и прищурившись, стал смотреть туда, где за низкорослым леском затаились фрицы.

Но вот за деревьями зародился и, все, нарастая, стал накапывать рёв моторов, перебиваемый тяжёлыми, словно удары в большой барабан, залпами орудий.

Из леса, окутываясь чадным дымом выхлопных газов, поползли три танка с черно-белыми крестами на бортах. За ними частила пехота. Выбрав самого длинного, того, что размахивал пистолетом, Иван прицелился.

– Сейчас ты у меня крылышками то помашешь.

Палец плавно нажал на крючок, раздался выстрел... и длинный гитлеровец, взмахнув руками, упал на землю как сломанная ветка.

– Первый, – шепнул себе Иван.

Он не расслышал, как, прошелестев издалека, снаряд рванул рядом с окопом. Все исчезло для него...

С трудом разлепив глаза, Иван приподнялся на локтях. Сквозь свист в ушах расслышал грохот боя, и он понял – жив.

– Жив! Так вашу мать, – негромко крикнул он, пытаясь перевернуться на бок. А когда это ему удалось, он вдруг обнаружил, что в его окопе, развороченном взрывом и ставшем вдвое больше, кряхтел, силясь встать, ещё один человек... Присыпанный землёй, он сжимал в руке длинное, старинное ружье.

Вокруг трещали автоматные очереди, грохотали взрывы, а Иван внимательно разглядывал странного соседа: наш или не наш... Одет как-то чудно. Может, долбануть его прикладом да скрутить, а там и допрашивать?

Иван отвёл, было в сторону винтовку для замаха, но сдержался. Высокий головной убор соседа украшал спереди белый, металлический, двуглавый орёл. Темно-зелёный кафтан с красными матерчатыми погонами был сильно заляпан грязью и копотью. На Ивана из-под козырька смотрели два настороженно – изучающих темных глаза. И вдруг под

черными, запорошёнными сизой пылью усами промелькнула улыбка.

– Ишь, затихает... Видать, выдохся басурман-то, – сказал незнакомец сдавленным голосом.

– Отбили, – автоматически согласился Иван и тут же, опомнившись, спросил: – Ты кто таков?

– Иван Лапоть мы, – спокойно ответил собеседник, – родом из Смоленской губернии, села Ивановки, бывший крепостной барина нашего Семигубова, мать его в душу. Ныне рекрут Семеновского полка.

– Какого полка? – опешил Иван Смирнов и вдруг рассердился. – Ты чего тут мелешь? Рекрут, барин. Ты что с неба свалился?

– Да нет, – спокойно произнёс Ванька Лапоть, – как только пошёл на нас француз, унтер-то наш, Карла толстопузая, бочка пивная в первом же бою убог. Тогда мы своего, из солдат, сами над собой поставили. Вот командир-то наш и кричит: "Ближе их подпушай, ближе, сукиных детей. Покажем, что такое штык да пуля русская! Встретим по – суворовски!"

Прицелился я в одного французика, – зло сплюнул Иван, – Они вначале-то красиво шли. Один прямо нам ходу вино из бутылки пил... Сбил я его. С виду здоровый детина, а пульки малой хватило. Не помню, сколько бой шёл, смотрю, бегут мусью. Вскочил я в атаку, да тут "подарок" послал басурман. Взорвалась надо мной бомба. Словно оглоблей по маковке

сadanуло. Очнулся я, глядь, ты из-под земли вылезаеть. Хорошо, матюкнулся по нашему. А то б прикладом то, приголубил. Видать, и на том свете без русского солдата не обойтись.

Иван слушал своего тёзку, верил ему, и не верил. Это что же получается, с предком своим в одном окопе встретился. Помнится, как-то политрук рассказывал о той войне с французами. Мол, отступали наши, отступали, и Москву отдали. А потом как вдарили и погнали Наполеона по той же дороге, по которой он пришёл... чуть ли не полтора века минуло с тех пор...

Иван достал кисет, подаренный ему на прощание женой, скрутил сигарку, затянулся крепким табачным дымом и протянул самокрутку собеседнику. Тот бережно принял сигарку, затянулся, и улыбка вновь блеснула из-под его усов.

– Хорош... Словно медку гречишного хлебнул.

– Хорош, – согласился Иван, – У тебя жена, дети есть? – спросил он.

– Была, – помрачнел солдат, – была и жена-красавица, и лапушка-дочка. Да беда сгубила, и любовь и жизнь нашу. Раз увидел барин жену мою в поле и приказал к себе отвести. Скрутили её, на подводу бросили. Дочурка наша, шестой годок ей шёл, бросилась к барину, кричит: "Мама, мама!" Только тот и слушать не стал. Хлестнул арапником по светлой головке и укатил. Когда прибежал я, доченька моя

лежала на дороге, а кровушка её алая в пыли растеклась.

Перевернулось тут у меня сердце. Взял я рогатину – и к хоромам барским...

Снова затряслась земля от взрывов. Расцвела рваными ранами воронок. За артподготовкой поднялась в атаку новая волна вражьей цепи.

– Эх, браток некогда и поговорить то нам по-человечески, – вздохнул Иван, поднимая винтовку, – а сколько рассказать хотелось о жизни нашей. Да некогда. Опять, гады полезли. Давай угостим их, как положено.

– Угостим, – поднял длинное своё ружьё другой Иван, – досыта накормим.

Бой разгорался. Все гуще становился визг вражьих пуль. И когда убило одного Ивана, другой склонился над ним, закрыл ему глаза, вздохнул тяжело:

– Не дождалась тебя жинка, браток.

Взял Иван винтовку друга, передёрнул затвор, как будто всю жизнь это делал, прицелился, выстрелил.

– Ничего, – процедил он сквозь зубы, – ничего, сочтёмся и за кровь, и за слезы. Хоть и чёртово племя вы, а от пули не уйти...

Запнулся солдат. Нашёл и его горячий кусок металла, прямо в сердце попал. Разжались пальцы, выпуская винтовку. Медленно осел Иван в окопе, руки бессильно уронил на зем-

лю. Промчался над окопом враг, подняв клубы дыма и пыли над дорогой, по которой погонят его назад.

80-е годы.

Сапёры осторожно перенесли останки солдат двух эпох. Похоронили их на окраине села, со всеми воинскими почестями.

Сияют под солнцем бронзовые буквы: "Русским героям – вечная память и слава".

1987 г.

Ахметка

Он осторожно пробирался по лесу, верхом на коне, внимательно всматриваясь и вслушиваясь в окружающий его осенний лес. Конь, чувствуя тревогу своего хозяина, осторожно переставлял ноги между упавшими ветками, и чутко прят ушами, реагирую на любой звук. Бестелесным духом клубился меж деревьями утренний туман.

Чересседельная сумка плотно набитая добычей, приятно постукивала по колену Ахмета. Более трёх месяцев назад он уехал из родного аила на обычный для этих мест промысел. Ещё несколько часов и он дома. А там отец, мать, любимая сестрёнка Айгуль, два младших брата, которым вскоре самим становится джигитами. Уже не далеко. Через поляну, вдоль оврага, ещё лесок, а там... Главное проехать мимо кордона. Что-то много их стало на дорогах в последнее время. А на них полицейские с солдатами. Все злые, какие-то. Никого без проверки не пропускают. Да ещё по лесу разъезды казачков рыщут. О, к тем лучше не попадаться. Звери. И все хотят поймать храброго джигита, Ахметку. А Ахметка не хочет, чтобы его поймали. Нечего ему на каторге делать. Ахметка лес любит. Волю любит. Охоту любит.

И чего спрашивается, ищут? Чего обозлились? Неужели из-за пропавших обозов? Раньше, власти на такое закрывали глаза. И более важные обозы пропадали, бывало, и нико-

го это не интересовало. А чтобы хоть одного полицейского из города выманить, такого никогда не было. Всё на диких зверей списывали. И всё. На этом всё и заканчивалось. А теперь? Ну, взял он пару обозов. Не один конечно. Слава Аллаху, в тайге много храбрых джигитов. Ну, в последний раз в запале порубили кое-кого. В смысле всех. Так, то сами виноваты. Зачем за мылтык хвататься? Всё равно ведь не успевали. А как всё красиво начиналось. Налетели как ветер. «Сарынь на кичку!» – выкрикнул Ахмет, услышанную когда-то фразу. Он не знал, что она означает, но слышал, что так знаменитый разбойник Стёпка Разин перед нападением на караваны кричал. Понравился этот клич Ахметке. Вот и сейчас использовал его. А мужички – за мылтыки. Что оставалось делать джигитам? Кинжалами поработать. Не мучились мужички. Быстро умерли. Только и радости не было. Кончилось везенье. Добыча, тьфу. За что только мужички жизни отдали? Ради несколько рулонов сукна, да простой, даже не серебряной посуды? По всей видимости, купец захудалый переезжал. Скарб свой перевозил.

Эх, жалко мужиков, конечно. Хорошие мужики были, наверное. Но теперь-то чего горевать. Аллах велик, он разберётся, кто прав тут был, кто виноват. Ахметка, к человекам хорошо относился. Понимал, что нельзя мёртвых бросать, как попало. Чтобы души их упокоились, тела предать земле надо. Сложили погибших в овражке, да землёй присыпали. Махмут даже крест из веток сделал. Воткнул в могилу. Ле-

жите спокойно мужики. Не тревожьте живых людей. А Ахметка, как вернётся, к мулле ходит. Попросит, чтобы помолился о них. Аллах великодушен, позаботится о душах умерших. Мы ж не звери. Мы понимаем.

Хотя, если бы они успели выстрелить первыми, лежал бы Ахметка у дороги, смотрел бы незрячим взглядом в небеса, ожидая своей участи в той, загробной жизни. А похоронили бы мужички его, Ахметку? Навряд ли. Бросили б на прокорм волкам. Ох, и много их развелось в тайге, волков-то. Сбились в стаи, и не дай Аллах встать у них на пути. Ничего не боятся. На обозы нападают. Совсем голодные, наверное. Говорят, даже на казённый обоз напали как-то. А казённые-то обозы даже Ахметка никогда не трогал. Там казённые люди, солдаты. Шибко сердитые. Сразу стреляют. Бесполезно их грабить. Пусть себе едут. Ахметке жизнь дороже добычи.

Вот почему Ахметка на обозы нападает? Работа такая. Хотя, убивать он не любит, но иногда приходится. Правда, старается обойтись без этого. Конечно, можно рыбу ловить, землю обрабатывать. Охота опять же. Так, в общем-то, и живёт его семья. Вернее, выживает. Семья большая. Участок земли, который они обрабатывают, не самый плодоносный. Ахметка готов был взяться за любую работу, если иного выхода не было. Почти за любую. Особенно ему нравилось, возится с деревом. У него хорошо получалось вырезать фигурки лошадей. Но, кому в тайге нужны игрушки? Да ещё за деньги? Можно было бы податься в батраки. Нет, это не для

Ахметки, это не для джигита. Ему нравилось скакать на коне, чтобы ветер срывал с головы шапку. Ему нравилось держать в руках оружие. Он представлял себя батыром, изгоняющим с родной земли врагов. Вот кем хотел быть Ахметка, а выбрал не самый лёгкий, полный опасности, путь разбойника. Ведь тут все на равных. Ещё не известно, кто победит. Нападающий или защищающийся. Тут как повезёт, кто быстрее и удачливее, того и добыча. Ахметке пока везло. Он всегда с добычей оставался. Самому-то Ахметке много не надо. Так, кое-что из одежды. Патроны и порох. В тайге без этого не выжить. Семье, конечно часть добычи. Подарками родных порадовать. И самое главное, на что Ахметка тратил свою долю добычи, это его конь. Для своего коня он ничего не жалел. У каждого батыра должен быть верный, надёжный друг – конь. У Ахметки не конь, шайтан. Батыр среди коней! Быстрый и выносливый. В степи быстрее ветра, в лесу тише рыси. Не раз уж спасал он Ахметку. Но и Ахметка в долгу не оставался. Любил и холил он своего коня. Сбруя из крепкой и мягкой кожи, украшена серебряными заклёпками. Чёрная, ручной работы, попона, в масть, покрытая темно-красными шёлковыми узорами. Золотистая бахрома стелилась вдоль края попоны. Когда Каратулпар – так он называл своего коня, лёгкой рысью двигался по улицам сёл, куда заносила судьба таёжного бродяги, то все, кто встречался по пути, восхищённо замирали. Вот это конь! А конь, гордо нёс своего седока, снисходительно позволяя собой восхищаться.

А когда переходил в галоп...

— Чу, что это? Кобыла заржала? Коротко так. Неужели разъезд? Точно. Казаки.

Ахметка свернул в сторону, проскакал с полмили, плутая между деревьями, остановился под высокой сосной. Встал на седло, взял свои чересседельные сумки, размахнулся и ловко закинул на ветку. Сумки повисли, слегка покачиваясь, но не падали. Ахметка довольно усмехнулся. Опустился в седло. Оценил дело своих рук. Всё хорошо. В глаза не бросается, а найти легко, если знаешь где искать. А теперь, по-тихому, подальше от казачков. А потом в галоп. Не-ет. Не поймать им сегодня Ахметку. Сегодня ему повезёт. А за сумой он вернётся. Не всю же жизнь казачки в лесу торчать будут.

К вечеру Ахмет остановился. Хорошее место. Небольшая полянка, окружённая молодой порослью берёзы. Посреди полянки в тесных объятиях переплелись между собой, сосна и берёза. Как будто-то две сестры в объятиях друг друга ждали. Иль то в смертельной схватке сошлись деревья, в борьбе за выживание. Ахметка давно приметил это место. Можно развести костёр, и самому пристроиться на ночь. Да и коню отдохнуть есть где. Для любимца он достал горсть овса. Не много. Но всё-таки хоть что-то. Остальное травкой возьмёт. Разжёл небольшой бездымный костёр. Поставил на него котелок. В тайге это самый ценный предмет. И чай сварить. И кашу.

Удобно облокотившись на стволы сестёр, так решил назы-

вать эти два дерева Ахметка, прихлёбывая горячий напиток из кружки, в прикуску с сушеным мясом, он предался воспоминаниям. Последний раз, когда был дома, устроил переполох, ввалившись в дом поздно вечером, когда семья уже ложилась спать. Но ради такого неожиданного гостя, все засуетились. Забегали. Мать, обняв сына, прижалась к нему, и тут же рванулась к плите. Чугунок на печку. На столе откуда-то появилась мука, и мать привычно и быстро начала готовить тесто. Баурсаки. Как по ним соскучился Ахмет в своих скитаниях по тайге.

Он сидел рядом с отцом, который с гордостью поглядывал на своего старшего сына. Джигит! Силён. Красив. Удачлив. Он, полная сума стоит у порога. Не забывает своих родных. Хороший сын.

Младшая сестрёнка, проснувшись от шума в доме, во все глаза смотрела на старшего брата. Он ей казался батыром, вышедшим из сказки, что иногда рассказывала мать перед сном. Красивый, высокий голубоглазый парень сидел в их доме и это её брат. Старший брат. Она смотрела на него затаив дыхание.

– А где моя любимая сестрёнка? – Воскликнул Ахмет, игриво окидывая взглядом комнату. – Где моя ненаглядная Айгуль? А, вот ты где. Иди сюда.

Айгуль с замиранием сердца подошла к старшему брату. – Вот ты, какая стала. Уже скоро невестой будешь. Ох, многим джигитам, ты вскружишь голову. Жаль мне их.

Ахмет приподнял девочку и посадил к себе на колени.

– Сестрёнка, ты скоро станешь совсем большой и тебе, как первой красавице нужны бусы. И мне кажется, эти бусы тебе подойдут.

Ахмет из-за пазухи достал бусы, и показал девочке. Та замерла от восторга.

– Это не простые бусы. Они сделаны из солнечного камня. Его добывают далеко, далеко, на берегах северного моря. И камень этот называется янтарь. Он любит человеческое тепло и солнце. Носи его. И он принесёт тебе счастье. Если его не носить, то он тускнеет. Это живой камень. Береги его.

Когда все уселись за столом, Ахмет, сдерживая себя, с достоинством и с почтением принимал из рук матери угощения. Хотелось, как в детстве наброситься на баурсаки, набить полный рот... Но он уже не мальчишка. Джигит. Надо сдерживать себя. Так, за трапезой, он неторопливо рассказывал о своих похождениях. Почти два года он не был дома. Как ушёл по весне в город, в поисках работы, так помотало его по жизни. Нигде долго не мог задержаться Ахмет. Он пытался наняться к богатым купцам охранником. Не брали. Боялись наверное. А не богатые если и брали, то за еду работать приходилось.

Началась война. Большая война. Мужиков со всей России загружали в поезда и везли далеко на запад. Ахметка обрадовался. Вот то, что нужно джигиту, за землю свою постоять, да врагов побить. Но Ахметку в армию не брали. Не поло-

жено иноверцев брать на войну. Обидно стало Ахметке. Он что не джигит? Он, что оружие в руках держать не умеет? Да получше многих горе вояк, шинели надевших. Но ничего, он им докажет, что Ахметка джигит и воин. Ушёл Ахметка из города. В тайгу подался. Там нашлась работа для настоящего джигита.

На следующий день Ахмет собрался в дорогу. Отец, прочитал молитву. Ахмет сидел рядом, с ним и повторял его движения. К своему стыду он забыл все молитвы. И помнил только "Биссмилля...". После молитвы, он подошёл к сыну, благословил и пожелал вернуться домой живым и здоровым. Мать обняла, заплакала и ушла в дом. Ахмет вскочил на коня. Каратулпар нетерпеливо затанцевал в предвкушении дороги. Но почувствовав твёрдую руку седока успокоился.

– Айгуль, проводи меня, – сказал Ахмет протягивая руку сестрёнке. Та вцепилась в неё и с радостным криком оказалась в седле, впереди старшего брата.

Конь понёс седоков к ближайшей опушке леса. Проехав немного вглубь, Ахмет остановил коня, Спрыгнул сам и на руках спустил сестрёнку.

Смотри, сестрёнка. Запомни это место. Тебе доверяю свою тайну. Вот под этим деревом, под этим камнем лежит твоё приданое. Я не знаю, когда вернусь, но ты должна знать, что здесь спрятано. В бараньей шкуре лежит маузер. Это такой большой пистолет. Очень дорогой. Не заржавеет. Смазан хорошо. И патроны тоже есть. Немного, но есть. А также тут

есть несколько серебряных чаш. Подрастёшь, это всё твоё будет. И пусть пока об этом тайнике никто не будет знать. Только ты и я. Это будет наша с тобой тайна. А теперь, давай я тебя отвезу домой. Мне пора в дорогу.

Ахмет под действием воспоминаний, задремал, прислонившись к стволу дерева, и не заметил, как в сумерках на поляну подъехали два казака. Молодой и старый.

– Глядь, татарва! – тихо проговорил молодой казак.

– Точно. Спит. Тихо... Мы его сейчас возьмём.

– А ежели проснётся?

– Не каркай. Поглядим.

Казачи спешили. Старший перехватил карабин. Тихо прошелестел смазанный затвор, с лёгким щелчком загоняя патрон в ствол.

– Дядь Петро... – а что мы с ним делать будем?

– Цыть! Тихо, – цыкнул на молодого казака Петро. – Разбудишь.

Ахметка тревожно заворочался, во сне, но не в силах проснуться, вновь погрузился в сон. Но какое-то чувство тревоги заставило проснуться джигита, и он открыл глаза и попытался встать.

Раздался выстрел.

Ахмет дёрнулся и замер, глядя в небо своими голубыми глазами...

– Дядь Петро... Ты его убил?

– Похоже на то. Да и черт с ним. Татарвой больше, татар-

вой меньше.

– А за что? Он же ничего нам не сделал?

Петро удивлённо посмотрел на молодого.

– Ты это серьёзно?

– Что серьёзно?

– Пожалел этого... – Петро показал на неподвижно лежащего у дерева Ахмета.

– А что? Он же тоже человек.

– Татарва это. Он наших мужиков зарежет, не задумается. А тут мы его опередили. Значит, кому-то в будущем жизнь сохранили. Татарву надо держать в узде. Чтобы работали не покладая рук. И к оружию их допускать не нельзя. Это главное. Вот тогда порядок будет.

– Ладно, пошли глянем, чего там у него есть. Конь то добрый. Сбрую я знатная. Любил татарин коняку. Ишь как украсил. Ладно. Больше взять то нечего.

– Похоронить бы...

– Некогда. Нам теперь подальше отсюда ехать надо. Не дай бог, его джигиты появятся. Тогда нам несдобровать. Пошли. Волкам тоже надо чем-то кормится.

Казак сели на своих коней, и поехали прочь, уводя в поводу чёрного коня в серебряной сбруе. А Ахметка остался сидеть у двух сестёр, незрячими глазами пытаюсь что-то рассмотреть в безоблачном ночном небе...

2019 г.

Значение слов, перевод с татарского языка.

Айгуль – лунный цветок

Баурсаки – традиционное мучное изделие у татар.

Каратулпар, сочетание слов кара – чёрный и тулпар – боевой конь; хороший, сильный, выносливый и быстрый конь.

Мылтык – оружие, ружьё.

2019 г.

В оформлении обложки использовано фото автора.